

Содержание

УЧИТЕСЬ ЧИТАТЬ СКАЗКИ	7
ОТ АВТОРА.....	10
ЗВЕЗДА АЛЬТАИР. КАК ИВАН-ЦАРЕВИЧ ВЕРУ ИСКАЛ	16

Прелесть сказки заключается в том, что в ней человек полнее всего реализует себя как создатель. Он не «комментирует жизнь», как любят говорить сегодня. Он творит в меру возможностей «вторичный мир».

Дж. Р. Р. Толкин

Учитесь читать сказки

Мы дожили до таких времен, когда о религии можно говорить почти как о покойнике — либо хорошо, либо ничего. О религии трудно рассказывать интересно. Но иногда это получается.

Имеется в виду, конечно же, не научное изложение, а такое, которое про смысл жизни и поиски правды. И вот тут доверительный разговор почти невозможен. Скучен нравоучительный стиль церковной проповеди, выдохлась традиция Достоевского, и лишь одна русская сказовая и сказочная стилистика кажется хоть немного соответствующей чаяниям современного читателя.

Книга, которую предваряет это предисловие, написана именно в этой стилистике и, на мой взгляд, одна из немногих говорит о религии и поисках веры так, как это было принято в стародавние времена.

Книга Дмитрия Урушева продолжает именно эту литературную традицию и предлагает читателю под видом сказки не очень простую многожанровую притчу о том, как ищут и находят веру в современном многоконфессиональном обществе. К достоинствам книги можно отнести то, что автор не просто рассказывает сказку, но одновременно сообщает читателю множество полезных исторических сведений, там и сям рассыпает сложные намеки на разные исторические события, эпохи и личности. В этом смысле сказка Урушева — своеобразный тест на умение опознавать разные жанры русской литературы, которые использует автор.

Необходимо сказать еще об одной особенности книги. Это прекрасный повод познакомить массового читателя с той традицией русской литературы, которая использовала русскую фольклорную среду и язык для выражения совсем не фольклорных сложных мыслей и идей. Тут можно вспомнить и Ершова с его «Коньком-Горбунком», и пушкинские сказки, и Лескова с Бажовым. Секрет этого сказочно-сказового стилистического направ-

ления состоит в тонком сочетании литературного содержания и фольклорно-сказовой основы.

Вообще говоря, Дмитрий Урушев хорошо известен публике как автор научно-популярных книг о старообрядчестве. Однако на сей раз он выступает в новом качестве, весьма неожиданном. Перед нами художественная книга, жанр которой можно было бы определить как христианское фэнтези. Это заимствованное слово обозначает обыкновенно особый жанр, ставший для многих русских читателей родным и близким.

В начале 1980-х годов мой отец Владимир Сергеевич Муравьев перевел трилогию Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец». Этот перевод стал первым, опубликованным в Советском Союзе, и породил бесчисленное множество подражаний. Он способствовал появлению у читающей публики устойчивого интереса к приключениям придуманных героев в вымышленном, проработанном до мелочей сказочном мире.

Так, заменив сказку, жанр фэнтези обосновался в новой русской литературе, где постепенно стал тривиальным массовым жанром. Из этого есть несколько исключений, но хороших в литературном смысле назвать можно немного. Отрадно, что Дмитрию Урушеву удалось счастливо избежать подражания классическому фэнтези.

Да, действие книги разворачивается в вымышленном мире. Да, персонажи вполне узнаваемы — Иван-царевич, баба Яга, водяной и русалки. Да, сюжет знаком нам по сказкам — добывание волшебного меча и богатырского коня, совершение всяческих подвигов и добрых дел. Но основа сюжета нехарактерна для большинства фэнтези-текстов.

Иван отправляется в путь не за жар-птицей или молодильными яблоками, как в классической сказке. И не проходит стадии игры, становясь лидером, как нередко бывает в новом фэнтези. Он отправляется за верой для своей страны. И это сразу создает для сюжета смысловой и патриотический масштаб. Путешествуя по вымышленному миру, царевич встречается с представителями разных вымышленных религий.

Читаешь сказку и понимаешь: ее автор — историк-религиовед, который построил свое изложение как головоломку-квиз для тех, кто интересуется историей, а в большей степени содер-

жанием и смыслом религиозных традиций как Востока, так и Запада. Читатель легко опознает, пусть и в шаржированном виде, православие, католицизм, протестантизм, иудаизм и другие религиозные традиции. Изображая их, автор пользуется приемами гротеска и сатиры, иногда довольно злой, но никогда не нарушающей канонов жанра.

Интересная находка автора — синкретическая восточная религия бога Мардука, позволяющая рассказать о религии Древнего Междуречья, зороастризме и индуизме одновременно. Традиционный фэнтезийно-сказочный сюжет прикрывает производимую автором своего рода «игру в бисер». Тут и христианское богословие, и античная философия, и русский фольклор, и многочисленные отсылки к истории и литературе.

В конце повествования автор пытается свести воедино доброту русской сказки и красоту православной веры. Насколько ему это удастся — судить читателю. Не со всеми трактовками религиозных традиций легко согласится религиоведу-специалисту, но писатель неподвластен строгой научной критике.

Читателю предстоит увлекательное путешествие по сказочному миру в компании Ивана-царевича — настоящего нового чичероне в мире религиозного многообразия, доброго и простого паренька. А вместе с тем и своеобразная игра по угадыванию персонажей, исторических событий и скрытых цитат. Желаю приятного чтения, путешествия и игры.

*Алексей Владимирович Муравьев,
кандидат исторических наук, руководитель секции
Ближнего Востока Школы Востоковедения НИУ ВШЭ*

От автора

Посвящаю моей супруге

Русская литературная сказка — жанр, который можно назвать предшественником отечественного фэнтези, — появилась еще в XVIII веке. Сказки писали многие сочинители, имена которых ныне незаслуженно забыты. Например, Василий Левшин, Михаил Херасков и Михаил Чулков.

В начале XIX века Сергей Уваров, небезызвестный государственный деятель, советовал поэту Василию Жуковскому написать на материале русской истории и фольклора большую эпическую поэму. Уваров вспоминал: «Я часто предлагал ему написать русскую поэму русским размером. Зачем, я говорил ему, не избрать эпоху древней нашей истории, которую можно назвать эпохой нашего рыцарства, в особенности эпоху, предшествовавшую введению христианской религии? Тут вы найдете в изобилии все махины, нужные к поэме. В этой эпохе история сопутствуема баснословием. Поэт может произвольно черпать из той и другой. Он избирает между историческими памятниками и народными преданиями и из всех сих богатых материалов составляет целое».

Совет Уварова не утратил важности и в наши дни. Хотя, конечно, нынешние сочинители фэнтези и не слышали о нем. Но, принимаясь за писание, они, сами того не осознавая, следуют сему совету: произвольно черпают из исторических памятников и народных преданий.

Жуковский послушался Уварова, но вместо одной поэмы написал несколько баллад и сказок. Их превзошел поэмой «Руслан и Людмила» Пушкин. По сказочной дороге, обновленной Жуковским и Пушкиным, уверенно пошли сочинители XIX века: Вельтман, Гоголь, Даль, Ершов и многие другие. Петр Ершов вообще вынашивал грандиозный замысел русского волшебного эпоса «Иван-царевич — сказка сказок в десяти книгах и ста песнях», оставшийся неосуществленным.

Не заустела эта дорога и в XX столетии. Сказочным путем прошли многие советские писатели. Сочинения некоторых весьма близки к жанру фэнтези. Зачастую их творчество шло рука об руку с кинематографом. Так, например, фильмами стали волшебные пьесы Тамары Габбе и Евгения Шварца.

В наши дни многочисленным сочинителям дорогу в страну фэнтези указывает путеводная звезда Толкина. По этому пути, обманываясь его кажущейся легкостью, идут сотни писателей. Но для того, чтобы писать о гномах, эльфах и рыцарях, недостаточно уметь пользоваться компьютером и интернетом. Нужны знания об исторических памятниках и народных преданиях, которыми в совершенстве владел Профессор и которых так недостает его подражателям.

Сегодня по дороге сказки идут бесчисленные толпы сочинителей. Только ленивый не свернул на этот путь, представляющийся простым и приятным. И я не избежал сего соблазна: в марте 2016 года вступил на дорогу фэнтези. Не знаю, сумел ли я пройти ее до конца, но очень старался и усердно следовал совету Уварова.

Хотя, признаюсь, писать было нелегко. Ведь когда идешь в толпе, смешиваешься с ней. И твой голос пропадает во всеобщем шуме. В жанре фэнтези сложно сказать что-то свое, что-то новое, прежде неслыханное. И не просто сказать, а «выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке», чтобы тебя услышали.

Конечно, моя сказка — только повторение прежде услышанного и прочитанного. Но сочинение сказки стало для меня не только испытанием нового, но и своеобразным душевным отдыхом. Чувства, охватившие меня, замечательно передают строки Булата Окуджавы:

Были дали голубы,
было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.
В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.

Сочиняя сказку, я вспоминал школьные годы и многочисленные попытки написать нечто «этакое» — в духе «Махабхараты» и «Калевалы» или Жюль Верна и Владимира Обручева. Вспомнил студенческие годы, занятия историей и философией. Вспомнил, как хотел, вдохновившись книгой Толкина «Дерево и лист», писать курсовую работу о христианстве и фэнтези. Эти воспоминания очень помогли в работе над книгой.

В школе я хотел написать нечто героическое и трагическое, царственное и рыцарственное. Сейчас же получилось что-то скорее ироническое и легкомысленное, чем пафосное и мужественное.

Посему прошу читателей не искать в сказке того, чего в ней нет. Также прошу не обижаться. Почему-то некоторые читатели, ознакомившись с книгой, обиделись на нее и на ее автора.

Но неразумно обижаться на побасенку. Все в ней ложь, выдумка и плод фантазии. Из головы сочинителя взяты все герои и их происхождения. Я принимаю на себя ручательство в том, что ни таких стран, ни таких народов, ни таких людей, какие выведены в произведении, нигде нет и не было.

Когда-то Юрий Казаков справедливо заметил: «Писатели читают критику на себя. Это неверно, будто бы некоторые писатели не интересуются тем, что о них пишут. И вот когда им нужно все их мужество. Чтобы не обижаться на разносы, на несправедливость. Чтобы не озлобиться. Чтобы не бросать работы, когда очень уж ругают. И чтобы не верить похвалам, если хвалят».

Конечно, и писатель Урушев интересуется тем, что о нем говорят. При Казакове критики-профессионалы выступали в журналах и газетах. В наши дни критики-дилетанты пишут на просторах интернета.

Здесь меня мало хвалят, зато много ругают. Например, прочел о себе: «списатель, прости Господи», «все сдуто у других авторов», «как всегда бла бла бла, об одном и том же... как всегда фантазии, никакой реальности».

Чтобы и на сей раз не разочаровывать пользователей интернета, открою страшную тайну. И в этой книге также «фантазии, никакой реальности» и «все сдуто у других авторов».

Я не стеснялся заимствовать у русских (и не только) писателей от Пушкина и Гоголя до Юрия Казакова и Татьяны Толстой. Могу

назвать и книги, на которые я ориентировался. Это «Рукопись, найденная в Сарагосе» Яна Поттоцкого и «Кружной путь» Клайва Стейплза Льюиса. В меньшей степени я следовал «Мастеру и Маргарите» Михаила Булгакова и «Кыси» Татьяны Толстой.

Надеюсь, причастность к сей тайне доставит особое удовольствие моим критикам. Впрочем, пользователям интернета я могу противопоставить живых людей, поддерживавших меня во время работы над сказкой.

Многие незаслуженно похвалили книгу и справедливо поругали. Я считаю своим приятным долгом высказать сердечную признательность всем, кто вдохновлял меня в работе над сказкой, может быть, даже того не подозревая. Благодарю моего брата Павла, моих друзей Алексея Кочетова и Дмитрия Симонова. Благодарю моих первых читателей Ирину Будкину, Юлию Глезарову, Марию Денисову, Ирину Шурмель, Андрея Зайцева, Юрия Лоскутова, Алексея Муравьева и Ивана Плигина.

Огромная благодарность моей супруге Татьяне — самой первой читательнице, редактору и корректору этой и прочих книг. Ей я и посвящаю сказку.

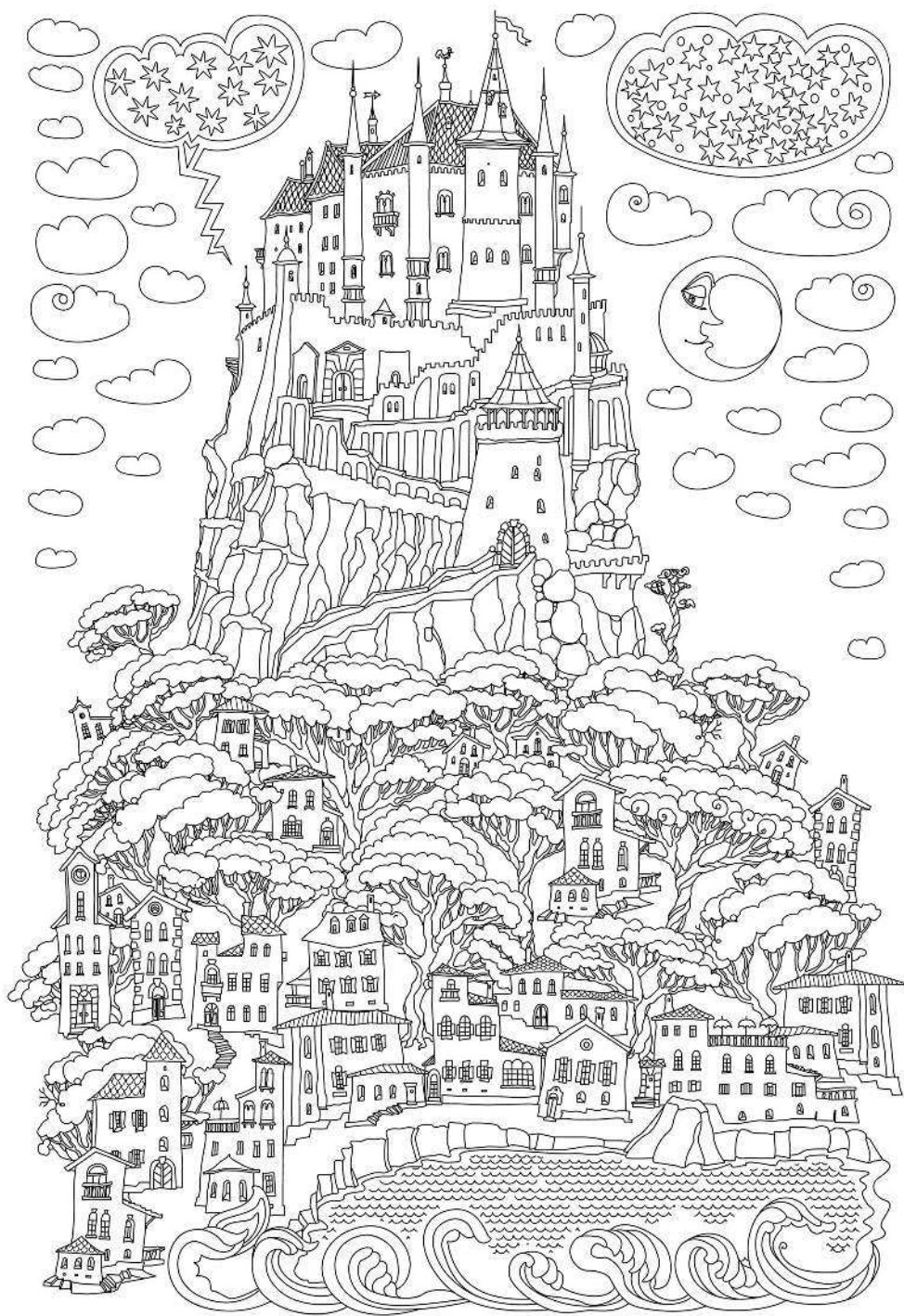
*Дмитрий Александрович Урушев,
член Союза журналистов России,
член Союза писателей Москвы*

С давних пор уже замечено, что юноши, предающиеся мечтаниям, становятся со временем полезными и даже незаурядными людьми.

Я. Потоцкий.

Рукопись, найденная в Сарагосе

Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!

А. С. Пушкин

Глава 1

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был славный царь Додон. И было у него три сына: Димитрий-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич.

Как и полагается в сказке, Иван-царевич был самым младшим. Братья считали его по-детски простодушным и неопытным. Поэтому за глаза, а иногда и в глаза звали Иванушкой-дурачком. Или еще обиднее — дураком.

Некоторое царство находилось на самом краю земли. С одной стороны — море-окиян. С другой — дремучие Муромские леса. В дебрях шалили разбойники, да и всякая чащобная нечисть стращала добрых людей. Потому чужеземцы нечасто заглядывали в захолустное царство. Лишь изредка сюда заплывали заморские купцы, привозили диковинные товары и не менее диковинные слухи о дальних странах.

Все было хорошо да ладно в сказочном царстве: земля плодородна, народ смирен, государь добр. Войн ни с кем не велось. Неурожаев, землетрясений или моров тут не бывало никогда. О них даже не слыхивали. Одним словом, держава процветала.

Но чем старше становился славный царь Додон, тем внимательнее прислушивался к рассказам иноземных купцов об их странах. Подробно расспрашивал, теребил седеющую бороду и задумчиво хмурил брови. По словам чужестранцев выходило, что все было в его государстве, только вот одного не было...

Раз в конце мая Додон призвал к себе сыновей.

Погода стояла солнечная и теплая, даже по-летнему жаркая. Царевы дети занимались кто чем. Старшие сидели в прохладном погребе у старухи-ключницы и пили бражку. Обсуждали соко-

линую охоту, борзых собак и скаковых лошадей. К отцу они пришли тотчас, но весьма неохотно.

А Ивана пришлось долго выискивать и выкликать. Он с друзьями гонял по крышам голубей. Но вот наконец все собрались в царской палате. Государь крепко-накрепко запер двери, чтобы никто не подслушивал и не подглядывал. Сел на лавку, застланную пестрым ковром, поманил сыновей рукой. Они подошли и сели рядом.

Царь страшно зашептал:

— Вот что хочу сказать вам, сыновья мои любезные. Земля наша велика и обильна, а веры в ней нет.

— Чего нет? — в один голос переспросили царевичи.

— Веры нет, веры! Разве непонятно? — рассердился Додон.

— Как веры нет? — удивился старший сын Димитрий. — Все у нас есть! И хлеб есть, и лен, и мед, и меха. Надьсь заморским купцам одной только пеньки десять кораблей отгрузили. Все у нас есть, батюшка, только поискать надобно.

— Все у нас есть, — поддакнул средний сын Василий. — Это завистники говорят, что ничего нет. А ты не слушай их, батюшка. Прикажи всех завистников, шептунов и втируш сослать на Колыму. Изведи крамолу в своей державе.

— Дурни! — рассердился Додон. — Вера — это не пенька, не хлеб и не мед. Вера — это вещь невидимая, бесчувственная, умозрительная. Вот ее-то и нет в нашей земле.

Царь встал и заходил по палате. Он уже не шептал, а громко возмущался:

— Заморские купцы говорят, в каждой стране есть своя вера. Куда ни приплывем, говорят, всюду есть церкви, костелы или кирхи. Только в вашей стране, говорят, ничего того нет. Говорят, как же вы без веры живете? Без духовных скреп? А что я им отвечу? Нечего ответить мне, стыдно мне.

И Додон тяжело опустился на лавку. Его лицо густо покраснело. Видно было: самодержец мучительно стыдится безверия своего народа. Даже невольная слеза навернулась на ясные государевы очи. И славный царь поник головой в расшитой жемчугом шапочке-тафье. Потом сжал кулаки и зло прохрипел:

— И выходит, светы мои, все есть в нашей земле, а веры-то и нет. И выходит, я хуже всех царей. И царство у меня самое

негодящее. И народ у меня не такой, как у всех, а с изъяном. И надумал я...

Тут державный родитель порывисто встал, торжественно выпятил живот и зычно возгласил:

— И надумал я, светы, отправить вас на поиски веры для нашей страны. Отыщите нам веру самую хорошую, самую истинную, самую правую, чтобы была лучше прочих вер. И кто нам эту веру отыщет и первым привезет, того я объявлю своим наследником. Ясно?

Царевичи, вскочив с лавки, недоуменно слушали отца.

— Батюшка, — сказал Димитрий, неприятно пораженный тем, что отчий престол может достаться не ему, старшему сыну, а кому-то еще. — Батюшка, как же это так? Коли вера — вещь бесчувственная, то как мы добудем ее? Это не жар-птица.

— И не яблоки молодильные, — вставил Василий.

— Вот, сыновья мои любезные, вы и подумайте как. По белу свету поездите, в дальних краях побывайте, со знающими людьми посоветуйтесь. Вы молодые. Вам полезно на людей поглядеть, себя показать. А я стар стал. Мне уж не до богатырских подвигов. Мне бы дома сидеть да кости на печке греть, — с этими словами Додон пошел отпирать палатные двери.

Вышли царевичи от отца и разошлись кто куда. Димитрий и Василий отправились к ключнице допивать бражку и толковать о батюшкиных причудах. А Иванушка побежал назад на крышу, к голубям.

Додон призвал верных слуг и приказал собирать сыновей в путь. Сам же отправился к своей супруге царице Маланье. Она в ту пору на заднем дворе кур кормила.

В дорогой собольей душегрейке важно вышагивала толстая царица, окруженная сенными девками, и разбрасывала полными горстями сарацинское пшено. Лик государыни был непроницаем и строг: губы сжаты, взгляд сосредоточен. Девки подобострастно глядели на хозяйку. Куры благоговейно кудахтали.

Робея перед супругой, Додон подошел сбоку и заговорил, откашлявшись:

— Помнишь, Малаша, мы надясь о вере говорили? Что, дескать, веры в нашей стране нет.

Царица ответила мужу хмурым взглядом.

— Так вот, мать, я решил отправить наших дармоедов искать веру. Пусть найдут самую наилучшую и нам привезут.

— И Ванюшу отправил? — глухо спросила государыня, едва разжимая губы.

— И его. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни. Пора ему в люди выходить.

— Ах ты изверг! — взвизгнула Маланья и швырнула в лицо мужу горсть пшена. — Ах ты ядовитый змей! Дите малое, неразумное, а ты его в чужие страны посылаешь! К людям чужим! На смерть верную! Опомнись, старый дурень! Хоть малость почувствуйся!

— Сама, мать, почувствуйся! — отряхивался от пшена Додон. — Сама опомнись! Что он у тебя все дите да дите? Сколько лет Ванюше?

Неожиданный вопрос заставил царицу задуматься. Она сочитала в уме.

— Да вот пошел девятнадцатый годок. Ванюша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна и когда еще...

— Добро, — прервал Додон. — Никакое он не дите. Здоровый парень. Пусть с братьями собирается. Ничего ему не сделается. Мое царское слово — закон. Как сказал, так и будет. Сказал — поедет, значит, поедет.

И государь проворно отскочил от жены, чтобы не получить в лицо еще горсти. Подобрал полы бархатного охабня и побежал в терем, подметая пыльный двор длинными рукавами. Бежал так быстро, что даже тафья с головы слетела.

Маланья выхватила из рук остолбеневшей сенной девки медный таз, полный пшена, и с криком «Гицель проклятый!» запустила в спину мужа. Таз улетел недалеко, в цель не попал и только перепугал кур, гулко упав на землю.

Как потом ни плакала царица, как ни причитала, как ни просила за Ивана, Додон был неумолим. «Поедет, и все! Мое нерушимое царское слово!» Делать нечего. Утерла Маланья горькие слезы и стала любимому сыночку укладывать в суму печатные пряники.